

ЛАЭТЭ
ВИТРАЖИ
РЕЗНЫХ
СЕРДЕЦ

ЧЕРНЫМ
БЕЛО

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л32

Иллюстрации на переплете и в блоке
Maks Moroshka (Ксения Макарова)

Дизайн обложки и макета *Кати Петровой*

Лаэтэ.
Л32 Витражи резных сердец / Лаэтэ. — Москва :
Эксмо, 2024. — 608 с.

ISBN 978-5-04-200172-7

Торн — полукровка, дитя кровожадного чудовища и растерзанной им женщины. Она путешествует вместе с караваном, но нигде не чувствует себя на своем месте. И когда над приютившей ее семьей нависает таинственная опасность, страх уводит Торн в глубины чаши, из которой еще никто не возвращался.

Там, при дворе лорда, Торн узнает больше о природе пугающих чудовищ и собственных силах, и ее мир начинает меняться.

Может, быть собой — не так страшно?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лаэтэ, текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-200172-7

Trépanum

Slept So Long – Jonathan Davis (OST Queen of the Damned)

Funeral – MEG MYERS

The Orchard – Holly Henry

Necessary Evil – Motionless in White ft. Jonathan Davis

Own Worst Enemy – YONAKA

Done – MEG MYERS

Tear Me To Pieces – MEG MYERS

Coriander/Chamomile – Holly Henry

Out Of My Cage – UNSECRET, Alaina Cross

Hurt Me Harder – Zolita

Holy – Zolita

Awaken – League of Legends, Valerie Broussard, Ray Chen

Jerome – Zella Day

The Death Of Me – MEG MYERS

Sorry – MEG MYERS

Black Sea – Natasha Blume

Elisa Lam – SKYND

Not Meant For Me – Jonathan Davis (OST Queen of the Damned)

System – Jonathan Davis (OST Queen of the Damned)

DNA – DeathbyRomy

Change (In the House of Flies) – Deftones

dying on the inside – Nessa Barrett

Cold – Static-X

Old Wounds – PVRIS

Многие думают, что если у врага нет оружия, он наполовину побежден. Что тогда его можно сломать.

Но когда ты сломан, проще всего найти острейший свой скол. И этого оружия никто уже не сможет отнять.

От крика Майли кровь стынет в жилах. От вида грубых рук на ее запястьях словно скребется что-то внутри, и хочется кричать так, чтобы пошатнулись деревья.

Черные кудри Майли испачканы грязью; она пытается подняться, но сапог вжимает ее обратно в лужу. Она почти плачет.

— Пожалуйста, — просит она. Всклипывает, не сопротивляется. — Пожалуйста. Мы бы отдали деньги. Не надо!

Она не понимает. Она никогда не понимала — это жестокая земля, не полное чужаков побережье. Они никогда не слушают.

Люди на этой темной земле боролись за выживание поколениями, боролись против непобедимого врага. Они привыкли брать тогда, когда подворачивается возможность.

Торн это понимала. Понимала и то, что они не слушают. Сильный берет все, что хочет. Слабый лежит лицом в грязи. Если у него нет защитника.

Торн сжимает губы, пытаясь встретиться взглядом с сестрой. Ее держит большой, тяжелый полукровка с бесстрастным лицом. Обыскивает методично, ничуть не церемонясь.

— Прошу, — Майли всхлипывает. Ее слезы всегда действовали на других так хорошо. Но они не действуют сейчас, неужели она не видит?

Не видит. Она привыкла обходиться меньшей кровью; она и правда готова отдать им все, что они так долго собирали, все деньги, только бы избежать конфликта. «Иногда нужно немного сгибаться, — всегда говорит она. — Гнущся самую малость. Нельзя сопротивляться всему миру, иногда нужно уступить».

Но Торн всегда знала, что не может так. Что-то внутри нее сломается, прежде чем согнется.

Что-то внутри нее сломалось, когда она увидела сапог этого полукровка на горле своей сестры.

Майли встречается с ней взглядом, жалобная, тихая.

— Не надо насилия. Пожалуйста, — она просит не их. Уже нет. Она просит Торн.

Но, когда в семье именно ты — непослушный ребенок, можно игнорировать просьбы, которые считаешь глупыми.

Они такие большие, эти трое. Такие тяжелые. Так уверенно держатся против двух девчонок, одна из которых уже лежит в грязи, а другая настолько худая, что ее запястья можно держать одной рукой. Большая ошибка.

Они никогда не ждут, ни скорости, ни силы удара. Кровь брызгает фонтаном. Мелькают выбитые зубы.

Торн прыгает в сторону, уворачиваясь от запоздало отвлечшегося от их седельных сумок бандита. Ей плевать на вещи.

Она сшибает полукровку раньше, чем он успевает хоть что-то понять. Это всегда легко. Легко увернуться от третьего, легко уронить его в лужу, легко упасть, точным ударом ломая ему нос. Легко снова вернуться

к полукровке, выхватить нож, оттянуть его голову за грязные черные волосы, легко...

— Торн!

Крик сестры надрывный, болезненный. Бьет прямо по сердцу, бьет по костям, резонирует в глубине. Это травмирует Майли. Она так не любит жестокость.

От необходимости прекратить и оставить все так у Торн сводит зубы. Нож втыкается в мягкую землю, ее тонкие руки хватают полукровку, дергают вверх. Он сопротивляется, сдирает с нее шапку, но Торн плевать. Она рывком поднимает его, и в следующее мгновение его окровавленное лицо скрывается под водой, и он сворачивает на себя поилку для животных.

Двое других бросаются к ней, но замирают почти синхронно, когда видят, как из светлых волос показываются резные острые уши. На их лицах, таких разных, одинаковое выражение. Отвращение. Страх. Неверие.

Они видят эти уши, эти клыки, видят, наконец, этот разрез глаз и комплекцию.

— Реликтовый выродок! — вырывается у одного, того, кто остался без половины зубов.

— Кровосос, — говорит второй в неверии. Полукровка в руках Торн, наконец, все понимает.

— Пожалуйста, — говорит уже он, наполовину лицом в грязи.

Торн улыбается во все клыки.

I

Вместо сердца у нее только высохший нераскрытый бутон.

Торн кривится, сжимая кулак и раздраженно засовывая руку в карман, совершенно не думая о том, что раскрошившиеся мутно-желтые лепестки оставят невычищаемую труху внутри любимой жилетки. Может, она вообще сделала это намеренно — испортила дорогую ей вещь. Сегодняшний день и так начался отвратительно, даже без того, что в ярмарочную лотерею она выиграла не сердце удачи, которое всегда хотела, не деньги или заговор, а дурацкий сухой цветок.

Ей не помешало бы сердце. Говорят, эти безделушки и правда помогают — или хотя бы дают взглянуть на мир немного по-другому.

Сегодня канун праздника. В снегу на темных улицах Города-Бастиона скрываются ряды с самыми разными мелочами со светлого континента и островов, со всех сторон звучат призывы торговцев, каждый — с каким-нибудь новым глупым акцентом. Сегодня всем весело, или, по крайней мере, должно быть весело. Через несколько часов будут фейерверки, танцы, музыка и празднование Нового Начала.

Приамх-Глеасс — День, Меняющий Жизнь. Или, по крайней мере, так говорят старые сказки.

Торн любит старые сказки, но сомневается, что хоть что-то на самом деле изменится.

— Хватит кукситься, — Вэйрик задорно дергает ее за светлую прядку, стряхивая снег. Потом и сам встряхивает головой, как собака, и взбивает припорошенные снегом черные кудри. Его волосы настолько лучше ее собственных, думает Торн всякий раз, когда он так делает. Но он — расс-а-шор, ему положено иметь самые черные и мягкие кудри на свете, и самые черные угли-глаза. Не то что у нее — длинные сухие волосы выцветшего беле-сого цвета. Глаза, как разведенное вино из голубики, бледные и прозрачные.

— Молчал бы, ты вытащил два билета на световое шоу, а я — сухую траву.

— Я прошу тебя, — фыркает Вэйрик, улыбаясь. — Я такое шоу могу каждый день посмотреть на репетиции твоей сестры и ее подружек.

От его улыбки будто бы и правда становится теплее. Но Торн напоминает себе, что никогда не боялась холода и никакие лишние источники тепла ей не нужны. Они здесь не для того, чтобы развлекаться. Они должны выкупить место для представления, пока еще могут, потому что караван опоздал. Циркачей никогда не хотят пускать в крупные города. Воры, говорят про них люди, воры, шарлатаны и обманщики. Никогда не доверяйте странствующему народу, говорят люди. И все же они приходят каждый раз, когда караван останавливается рядом с их поселениями. И так будет всегда.

Мы вас не любим, но возьмем то, что вы предлагаете.

Снег хрустит под ногами, когда они с Вэйриком идут мимо ярмарочных рядов. Торн прячет голову в высокий ворот кожаной жилетки, прямо в выступающий изнутри мех. Вэйрик периодически запрокидывает голову назад и ловит снежинки языком. Все остальное время он обворожительно улыбается девушкам, которым не везет встретиться с ним взглядом.

Девушки всегда, сколько Торн его помнит, любили Вэйрика. А помнит она его почти столько же, сколько и себя — они ровесники. Можно сказать, они могли быть друзьями. Наверное. Все дети в цирке — в некотором роде друзья, одинаково похожие, редко рожденные в полноценной семье, гораздо чаще — всего лишь плоды чьих-то случайных связей. На темном континенте не отказываются от детей, потому что второго шанса может не быть. Говорят, что там, за морем, молодые народы могут заводить по пять или шесть детей. Что там детская смертность никого не волнует, потому что к смерти относятся совсем иначе: ведь она так близко, а срок жизни столь мал.

Здесь же никто не бросит ребенка, даже нежеланного. Даже такого, который считается плохим предзнаменованием. Даже если его нашли в лесу, даже с длинными резными ушами и острыми клыками.

Торн сжимает губы и поправляет шапку.

Она охотно позволяет Вэйрику договариваться. Он всегда гораздо лучше управлялся со словами, и единственной причиной, почему с ним послали ее, была только неумная склонность Вэйрика просаживать деньги на всякую дрянь. Преимущественно на девиц, чьи имена он забывает через пару часов.

Наверное, это единственный его недостаток. По крайней мере, у самой Торн недостатков многим больше. Например, она предпочитает деньги приумножать. Что делать крайне удобно, пока люди в толпе отвлечены на огоньки и сияющие игрушки из стекла.

Когда Вэйрик заканчивает переговоры, во внутреннем кармане ее жилетки чувствуется приятная тяжесть от нескольких кошельков. Они снова уходят, Вэйрик напевает себе что-то под нос, блики от украшений на деревьях и маленьких магазинчиках то и дело мелькают на его лице. Ему идет. Он улыбается, пока не замечает, что жилетка Торн полурасстегнута.

— Ты опять?!

Разумеется, он заботится не о ее здоровье. Она не подхватывает простуды. А даже если бы и могла, его волнует не это.

— Расслабься. Никто не видел.

— Нас поймают и вытурят из города! — он, кажется, думает, что громкий шепот привлекает меньше внимания. Вэйрик всегда мало что понимал в скрытности. Он предпочитал быть заметным отовсюду. Нравиться всем. И у него это прекрасно получалось.

Торн слегка ему улыбается. Уверена, что получилось не очень. В его присутствии почему-то все эмоции получились какими-то неестественными.

— Ты представляешь, сколько цирковых караванов в этом городе, помимо нас? Думаешь, никто там не ворует?

— Ворует или нет, но ты бросаешь на нас тень!

Смешно.

— Пара подрезанных кошельков — смерть каравану. А вовсе не шарлатанские фокусы и обман, которые мы привезли на праздник, да?

— Ты подвергаешь нас опасности! — повторяет он упрямо. Но в этом нет ничего удивительного. Она привыкла.

Она всегда подвергала их опасности. Плохое знамение. Невезение.

Почему она не могла вытащить сердце удачи, а не тупой старый цветок?

Торн швыряет кошельки в старый сундук, прячет под тяжелыми одеялами. Отбрасывает жилетку прочь, скидывает ненавистную шапку. Наконец распускает волосы, позволяя им упасть на спину и плечи. Ей никогда не нравились ее волосы. Слишком светлые, слишком никакие. Не белые, как у Хорры, не золотые, как у Мирры или Пэйли. Она вообще не похожа на них, со

своими острыми резными ушами, острыми скулами, острым всем. Как подросток, который до сих пор не оформился, хотя она и старше большинства девушек в караване.

Проклятое полукровное наследие. Она не получила ничего от матери. Не получила ее белоснежных локонов, ее пронзительно-голубых глаз. Не могла закрывать глаза врожденным фасеточным панцирем, как все налэ-эйне, как Хорра, ее родная тетка. Она не получила от матери ничего.

Даже воспоминаний.

Лишь гнетущее чувство, что она всегда делает что-то не так, потому что она не ее мать. Торн чувствовала это каждый раз, когда видела тех, кто знал Вэнорру. Каждый раз, когда видела Хорру. В каждом разговоре.

Со временем она стала избегать даже ее. Даже женщину, которая заменила ей семью.

Хорра входит в ее палатку бесшумно. Торн все равно знает о ее присутствии. Она всегда знает заранее, даже если не видит. Слишком хороший слух.

— Торн.

Ей никогда не нравилось, как Хорра произносит ее имя. Обрывисто, плевком. Будто говорит с огрызком, нес личностью.

Не нужно спрашивать, зачем она здесь. Вэйрик все уже разболтал. По счастью, не всем, а только тем, кто, как он думал, мог на Торн повлиять.

— Подойди ко мне, Торн.

Могла бы и сама подойти. Это она вошла в чужую палатку. Это она в гостях.

Но Хорра игнорировала правила, когда речь шла о том, что она считала своим. К Торн она относилась как к дочери тогда, когда это было удобно.

— Зачем?..

— Просто подойди.

— Не буду. Ты меня ударишь.

Хорра всегда давала ей эти легкие, едва ощутимые подзатыльники, когда Торн делала что-то не так. Всегда в детстве. Пыталась и сейчас. Сейчас это было уже глупо.

Хорра вздыхает и устало опускается на подушки, заменяющие кровать.

— Вэй сказал мне...

— Само собой, он сказал тебе. Я тоже могу много что сказать. Например, что я была очень осторожна, что меня никогда не поймают. Что у меня ловкие руки. Но ты ведь мне не поверишь, верно?

Хорра снова вздыхает. Потирает лицо, оставляя на щеках едва заметные разводы от алой краски. Только что закончила плакаты для праздника. Такие же пятна мелькают в ее белоснежных прямых волосах до пояса. Если мать Торн была такой же эффектной, как Хорра, неудивительно, что ее до сих пор помнят.

Неудивительно, что видеть Торн для многих до сих пор столь неловко.

— Воровство подвергает нас опасности.

Да они все сговорились.

— В лицо врать людям про то, что их ждет богатство, а потом сдирать с них все деньги в игре в стаканчики — это, конечно, вообще никак на караван тень не бросает, жуликами нас не выставляет.

— Хватит, Торн, — ее голос строг. — Мы уже говорили об этом. Хватит.

Они и правда говорили об этом. Не раз до этого, не раз будут говорить потом. Потому что Хорра не слушает. Они никогда не придут к компромиссу.

— Другие тоже воруют. Мне нельзя почему, потому что я какая-то неправильная?

— Прекрати.

— Да каждый второй ворует на карнавалах, нельзя, как всегда, только мне, потому что мне не повезет. Потому что я несчастливая, потому что... Почему там еще? Да, Хорра?